

ДУШУ КАЖДОГО УСЛЫШАТЬ...

Беседа с лауреатом Государственных премий СССР и РСФСР писателем В. П. Астафьевым

— Виктор Петрович! В редакцию «Красноярского рабочего» приходит немало писем читателей с вопросами: как живет писатель Астафьев, над чем работает, как можно купить его книги...

— Живу в трудах и заботах. Начал работу с Красноярским театром имени Пушкина к 40-летию Победы над постановкой трагедии «Не убий». Много сделал разного рода мемуарной работы. Занимался сценарием фильма «Где-то гремит война» — в августе нынешнего года его начнут снимать неподалеку от Красноярска.

Сделал осенью прошлого года два рассказа, отдал в московские журналы. Думаю, и еще пару замыслов реализовать. Со сладостью в душе и с удовольствием пишу «Затеся», они мне заменят и дневники и записные книжки.

Хочется написать пьесу. Я ведь две пьесы — «Черемуху» и «Прости меня» написал, они шли и продолжают ставиться в кое-каких московских и провинциальных театрах...

Ну и главное: очень хочется писать рассказы — самый любимый мой жанр, я ведь слова «роман», откровенно говоря, побаиваюсь. Плохой-то написать можно, и очень быстро — рука «набита», но хотелось бы написать «свой роман», ня на чей не похожий.

Планов много! Уж такая закономерность: чем меньше у человека остается земных лет, тем больше возникает у него планов — это чтоб поминать некогда было! — Древняя, давняя вроде бы и примитивная, а все же спасительная хитрость...

— Каковы творческие итоги 1984 года?

— Год был тяжелым, почти полгода болел, но в целом поработал нормально, поехал по свету. Побывал на Урале, в Москве, на выездном секретариате Союза писателей РСФСР в Ставрополе, да еще и за рубежом...

Вышли у меня однотомники в «Художественной литературе», в «Советском писателе», сборник рассказов в издательстве «Советская Россия», «Звездный» в «Советском писателе», вышла книга «На далекой северной вершине» здесь, в Красноярске.

В Голландии, в Амстердаме вышла вторым изданием «Царь-рыба», а также первая книга «Последнего поклона». В нынешнем 1985 году выйдет там и вторая часть «Поклона».

«Царь рыба» вышла в 1984 году в Польше, в Венгрии, а также у нас в Эстонии, три издания в Москве, четвертое здесь же, в издательстве «Прогресс», на английском языке. Еще появилась в Японии...

— где Вы побывали недавно...

— Да, я нахожусь под большим впечатлением от этой поездки...

Страна, по-существу, не имеющая сырьевой базы, вышла на второе место в мире по промышленному производству —

это впечатляет. И, как не парадоксально, как раз малость территории и земли, пригодной для пашен, отсутствие сырья приучили японцев бережно относиться ко всему, что окружает их, кормит и поит, а умеющие это ценить люди неизменно и неизбежно начинают относиться бережней и друг к другу, и к своей культуре, и к своей истории.

Однажды, будучи в Прибалтике, я увидел выросший на супеси и суглинке, среди каменных гряд чистый и урожайный хлеб и сказал зашедшему жителю, умилившись, что если бы им, прибалтам, да такую тучную землю, как у наших соседей, про которую говорят: «Сунь оглоблю — телега вырастет!» — мой спутник мрачно отшутился, сказав, что его земляки сделали бы так же ленивы, как и соседи.

В этой, не очень ловкой шутке все же есть определенный смысл.

Мне понравились японцы — опрятный, уважительный народ. Почтительное, любовное отношение к детям, старикам... Огромная любовь к своей земле. Очень хорошо ухаживают японцы за жилищем, за городом. На улицах не встретишь пьяного...

Побывал я в Токио, Нагое, Киото, Хиросиме. Испытал тяжелейшие чувства, когда стоял у руин Торговой палаты — «Атомного дома», как называют это здание, над которым 6 августа 1945 года взорвалась первая в истории атомная бомба... Потряс меня музей, перебегающий в напряжении лепных фигур мгновенно всеобщей атомной смерти... Мне стало нехорошо... Рядом оказались врач и служительница...

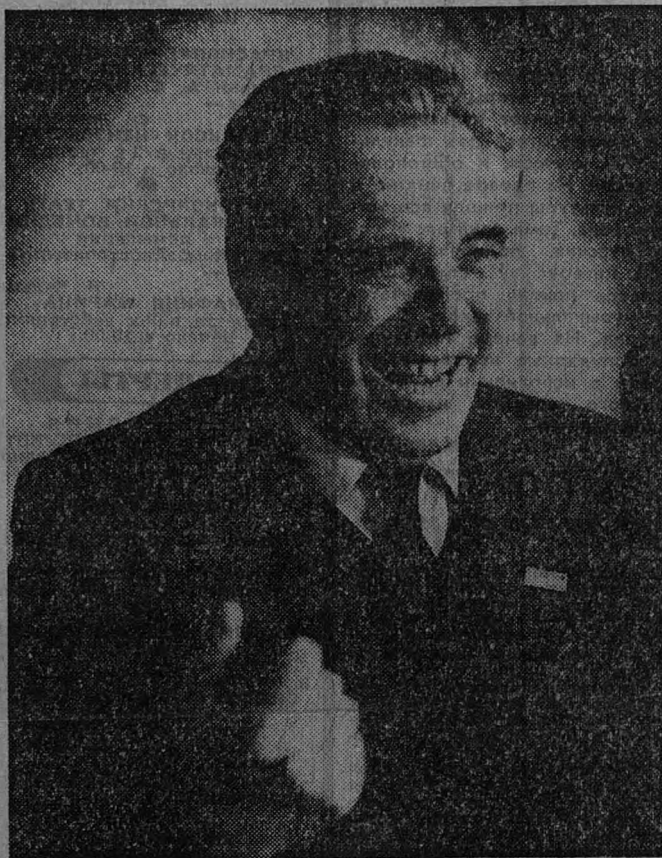
В Японии, как и везде, и как нигде более остро, думаешь о мире и войне...

— Вы как художник давно уже распознали и осмыслили военную тему...

— Давно уже я работаю над романом про войну и, естественно вплотную занимаюсь этой темой и стараюсь читать больше о войне и «военное», встречаться с ветеранами, инвалидами войны, и не только нашими.

Трагедия немецкого народа, ввергнутого в военную авантюру оголтелым фюрером, — очень страшная трагедия, нами еще не осмысленная. Мы и свою-то трагедию, на мой взгляд, не до конца еще осознали и не все ее последствия еще расхлебали.

Мне хотелось бы в романе более и ближе всего коснуться окопного быта, очень мало и прока приблизительно у нас изображаемого — есть выразительные сцены боев и солдатского быта в книгах Юрия Бондарева, Василия Быкова, Григория Бакланова, Вячеслава Кондратьева, Виктора Курочкина, Константина Воробьева. Появилась вот повесть Константина Колежова «Самоходка номер 120», книга Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо», книга Владимира Карпова «Полководец», есть потрясающие по обаятельности и драматизму

главы в книге барнаульского писателя Георгия Егорова с бесхитростным названием «Книга о разведчиках», герой которой Иван Исаев, кстати, наш земляк — красноярец, живет ныне неподалеку от райцентра Идра, в родном селе. Великий это разведчик и воин. Но и в них, в этих честных и правдивых книгах «житуха» — жизнью назвать существование в окопах рука не поднимается — изображена все же мимоходом, фрагментарно, как что-то второстепенное.

— В литературе последних лет большое место занимают так называемые вечные вопросы. Художественное мышление В. Астафьева, говорит критика, принадлежит к диалектическому миру идей общества развитого социализма, вторгается в область философских знаний... Что Вы можете сказать по этому поводу?

— Не знаю, вторгаюсь или не вторгаюсь, но задумываюсь вот о чем. Отчего меня переводят на иностранные языки, хотя переводчики и «воют» от трудности работы, ибо писало я и пишу для наших, для русских людей? Наибольшее удивление у меня вызвало то, что много и охотно переводится моя первая, далекая от совершенства, «грубоватая» по материалу повесть «Перевал», даже в такой, как мне казалось, уважаемой, далекой от «мушинских» проблем стране, как Франция.

Так вот, недоумение мое развевал один западногерманский профессор — он побывал в Сибири, на Байкале, выпустил хорошую, литературоведческого характера, книгу о советских писателях, и занимается он не только этим, но и проб-

сана об одиночестве современного человека, о том, что, отрываясь от земли, дичая в отрыве от природы, человек дичает и сердцем, утрачивает то, что зовется душой, становится бессердечным...

— Можно ли сказать, что в обществе меняется отношение к природным богатствам, что мы сегодня более бережливы, по отношению, например, к лесу, чем прежде?

— Вряд ли. Слышал я, что по данным Центрального статуправления, расчетная лесосека в стране равняется поистине космической цифре...

И эти внушительные цифры заволаживают многих наших хозяйственников и партийных деятелей, насылают на них благодусие, порождают хвастливые настроения, а вот по «моей статистике» масса: числящегося в статуправлении леса, увы, уничтожена пожарами, шелкопрядами и бездумной деятельностью наших промышленников всех мастей, рангов и «уклонов». Особенно сильные потери не только лесу, но и всей русской природе наносят наши энергетики — гидроэлектростанции.

В крае, как известно, заготавливается каждое пятое бревно страны, но никто не говорит о том, что теряется каждое второе бревно, а уж что делается на лесосеках — это описанию не поддается. Это «сильнее» и «выразительней» всякого, даже самого выразительного слова.

В 1935 году я видел от устья Ангары и до Заполярья валяющиеся на бегу бревна. Колоссальное утерянное древесины — готовый! — возросло сегодня вместе с интенсивностью лесозаготовок — до самого Капского моря по берегу и прибрежным лесам, поймам, протокам, островам во множестве рядов лежит и гниет первоклассная, на золото покупаемая у нас древесина. Полагаю, если потерянные леса на Енисее обратят в денежные купюры, то три тысячи верст до устья Енисея человеку пришлось бы брести по пояс в деньгах...

— Читатели обращают внимание на то, что Сибирь все больше становится литературной землей, считают литературными точками Иркутск, Барнаул, Томск, а теперь, в связи с Вашим возвращением в родные места, и Красноярск. Как Вы считаете, можно ли говорить, что существует своего рода «сибирская литература»?

— Можно и нужно. А то удалось кой-кому убедить наших доверчивых читателей, что советская литература началась совсем в другом месте, вроде как в Одессе. Нет, первый советский роман написан в Сибири — это «Два мира» Владимира Яковлевича Зазубрина, и он же был одним из первых редакторов старейшего в стране журнала «Сибирские огни». До сих пор об этом чело-

ве ходят легенды, да и был он человеком легендарным — гражданскую войну закончил начальником политотдела Дальневосточной армии, и тогда же, еще в армии, начал писать очерки, рассказы и свой знаменитый роман, выход которого приветствовал Алексей Максимович Горький. Человек богатырского телосложения, феноменальной памяти, знавший несколько языков, наизусть читавший целые главы из книг Льва Толстого, он очень быстро не только возбудил литературные силы Сибири, но и объединил их вокруг журнала «Сибирские огни». Всеволод Иванов. Лилия Сейфуллина, Вячеслав Шишков, Петр Петров, Михаил Ошаров, Иван Шухов, Кондратий Урманов, Иннокентий Беззубовский, Ефим Пермитин; поэты Исаак Гольдберг, Иннокентий Луповской, Петр Комаров и многие другие «открыты» и «пущены в дело» Владимиром Зазубриным.

В Новосибирске вышло уже шесть томов «Литературного наследия Сибири», воскресли не только недавние книги и имена сибирских писателей, но и дореволюционные подвизники-писатели и общественных деятелей как Ягинцев, Потанин и многие другие.

В Иркутске начала выходить в великолепном оформлении, с высокопрофессиональными комментариями и статьями библиотека «Литературные памятники Сибири», правомерно открытая книгой неистового протопопы Авакума, куда, кроме всем известного «Жития», вошли нигде еще не печатавшиеся, недавно открытые рукописи и воспоминания гениального русского писателя, Иркутяне, как известно, хорошо издают книги и заботятся о них, и недавно работавших писателей-сибиряков: Валентина Распутина, Александра Вампилова, Геннадия Машина, Георгия Граубина и других...

— Вы забыли упомянуть Шукшина. Каково Ваше отношение к нему? В чем, на Ваш взгляд, проявляется воздействие этого художника на современную литературу?

— Ну какое может быть в России отношение к рану, безвременно ушедшему, самобытному и даровитому художнику? Конечно же, слезливое, умиленное, виноватое...

Я не являюсь исключением среди россиян, тем более, что был знаком с Шукшиным, тем более, что его земляк, и чувствую вина и смутного раскаяния; мало вот встречался с земляком, были возможности общаться ближе, больше, — конечно же гнетет и меня. И может быть, в большей степени, чем его во множестве обывавшихся после смерти «Друзей»...

Пока это воздействие Шукшина наиболее ошутимо сказалось на графоманах и провинциальных молодых писателях. До того он «просто» и «доходчиво» писал, что им кажется: и они «запросто» су-

меют так же, и пишут беззастенчиво «под Шукшина», особенно охотно на Алтае, по принципу землячества, и очень обижаясь, что их не печатают или печатают нерасторопно и неохотно... Думаю, что «воздействие» Шукшина и вклад его в современную культуру были бы большими, если бы издавали его не навалом, а тщательно отбирая и редактируя.

И святое дело тех, кто любит его, помнит и чтит, упорядочивать наследие большого и честного художника, страдавшего от суетности жизни, от разорванности времени, нездоровья — сохранить его имя в чистом и почтительном уважении, не открывать повсеместно барахолки по распродаже его наследия, не оскорблять память пустой шумихой и упоенной болтовней. Увы, как ни горько это сознавать, но «пример Шукшина» подтверждает наглядно: все еще два мерила, как и прежде, торжествуют в нашем искусстве и литературе — полное забвение или «расхватуха», славословие, оголтелая, слепая мода на покойную знаменитость.

— В редакцию приходят письма, по которым видно: спрос на художественную книгу не угас. А ведь даже местное издательство выпускает, например, Ваши книги не менее чем 100-тысячными тиражами.

— Верно, число любителей художественной литературы растет. И все-таки, мне кажется, культура современного читателя более широкая, чем глубокая. Самообманом заниматься не надо, мы и так этим долго занимались... У нас, помню под гитару или выступавших с эстрады поэтов любят и знают больше, чем поэтов серьезно пишущих. И Льва Толстого, думаю, раз в двадцать читают меньше, чем Валентина Гиккула, Юлиана Семенова и Сименона. Но, думаю, и тут Лев Толстой устоит, не колебнется и останется на своем спокойном и великом месте.

— Учителя, работники культуры с тревогой говорят о засилье телевизора, о нежелании молодежи выйти за пределы знакомого, освоенного...

— Да, инерция, остановка в развитии опасны. Настоящий писатель всегда испытывает ответственность за свой труд, за свои слова и поступки. Пока душа его жива и дышит теплом, пока она трепещет и чего-то ищет, отданное ею тепло пойдет на согрев ближнего, на добро, на утоление жажды человека о вечном мире на земле... Но ведь как звезда с звездой, так и душа с душою говорит. Благодарное слово читателя есть высшая награда за наш нелегкий литературный труд...

Беседу вел М. НИКОЛАЕВА.